

Д.И.Донцов

ГЕТМАН МАЗЕПА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Популярность Мазепы в европейской литературе до сих пор остается тайной для всех интересующихся этой, может быть, самой трагической фигурой украинской истории. Загадочная личность противника Петра I вдохновила уже не одного поэта, не одного драматурга, не одного романиста. Среди людей, писавших о Мазепе, находятся, между прочим, такие звезды первой величины в мировой литературе, как лорд Байрон и Виктор Гюго. И даже в наш прозаический век, когда бурная эпоха, родившая Петра и Мазепу, давно отошла в вечность, интерес к последнему в Европе не ослабевает: недавно известный критик М. де-Вогюэ выпустил новым изданием свои "*Les trois drames*", значительная часть которых посвящена той же таинственной личности старого гетмана.

Где причина этого? Что привлекает внимание этих людей к их герою? Можно было бы сказать: своеобразная историческая судьба Ивана Мазепы. Отчасти это так, но только отчасти. Ведь многие из писавших о Мазепе почти не знали его истории. Байрона вдохновили, в его чудной поэме, лишь несколько строк, прочитанных им у Вольтера в "Истории Карла XII". Никаких иных источников не знал, по-видимому, и Гюго. Где же решение загадки?

Не претендую дать ответ на этот вопрос. Несколькими последующими замечаниями хотел бы только бросить хотя бы незначительный свет на интересующую нас загадку.

Во Флоренции, перед галереей "*Pittà*" можно видеть ряд статуй людей, которыми гордится не только Италия, но и все культурное человечество. Среди этих статуй одна особенно обращает на себя внимание. Низкий корпус, покатые плечи, самое обыкновенное на первый взгляд "бабообразное" лицо. Но за этим лицом кроется такая, — подозреваемая лишь, — необыкновенная моральная и интеллектуальная мощь, что невольно останавливаешься, как вкопанный. Внизу подпись: М а к к и а в е л л и.. Не так ли и некоторые исторические личности, едва нам известные? Несколько скудных исторических сведений дают нашему духовному взору не больше понятия о них, чем "бабообразные" черты Маккиавели, о личности гениального автора "*I Principe*". Но достаточно ознакомиться с ними, этими чертами, набросанными рукою ли скульптора или историка, все равно, — и таинственный неизвестный становится предметом общего внимания, удивления, быть может, героем легенды... Такою легендарною личностью стал и Мазепа.

То в качестве блестящего "*chevalier*" во вкусе Д'Артаньяна или Атоса из "Трех мушкетеров" А. Дюма, то в качестве хитрого и изворотливого

противника Петра. Второй Мазепа — преимущественно герой немецких драматургов. Почему они выбрали именно его своим “*Freiheitsheld*”ом? Думаю, что тут играла роль своеобразная историческая aberrация. После Хмельницкого, Выговского и др. следовали другие, так или иначе продолжавшие их дело. После Мазепы — никто. После него наступил упадок автономистской идеи. На этом фоне, на фоне общей деградации национальной жизни на Украине, наступившей в XVIII веке, личность Мазепы выделялась особенно ярко. Кроме того, ведь величие героя всегда меряется величию его противника. Чем труднее и грандиознее задача, поставленная героем, чем непосильнее преграды, с которыми он борется, тем более трагичные формы принимает его особа, тем более она способна возбудить вдохновение поэтов. Не зная, может быть, даже как следует истории восточной Европы, они все же полубессознательно, но чувствовали, что в 1709 году в истории Европы перевернулась новая страница, открывшая в ней новую главу. 27-е июня 1709 года стоит на границе двух эпох — оно отделяет Московское царство от Российской империи. Что же удивительного, если человек, стоявший на рубеже этих двух эпох, хотевший по-своему записать перевернувшуюся страницу европейской истории, так же, как и его противники, вырос в глазах поэтов до размеров титана? Что удивительного, что они до сих пор чувствуют на себе тень, бросаемую в будущее этим гигантом?

Из всех произведений, посвященных гетману Мазепе наиболее, вероятно, известна широкой публике поэма Б а й р о н а. Рожденный за год до французской революции, умерший в Миссолунгах в борьбе за свободу Греции, великий английский лирик м о г заинтересоваться оригинальной судьбой “гетмана-злодея”. Несколько строчек Вольтера сказали гениальной фантазии свободолюбивого лорда больше, чем иному могли бы сказать целые томы... И, быть может, обладая автор обширнейшими сведениями из украинской истории, он оставил бы нам иную, более глубокую и более интересную эпопею, посвященную тому же герою. “*Mazepa*” был написан в Италии (в Равенне). К этому времени относится, между прочим, связь Байрона с Терезою Гиччиоли, урожденною графинею Гажба. Поэма была написана в 1818 г., в разгар карбонарского движения. Вероятно, в этих обстоятельствах, под гипнозом которых находился в это время творческий дух поэта, нужно искать причины выбора и особы героя, и сюжета поэмы: сюжет поэмы — любовь Мазепы к замужней женщине, которая, так же, как и синьора Гиччиоли, называется Тереза. Указывают на некоторую неправдоподобность конструкции “Мазепы”, где автор заставляет Карла, после “страшного дня Полтавы” выслушивать долгий рассказ, своего союзника, подвергаясь ежеминутной опасности быть захваченным победителями. Но это все мелочи, которые не в состоянии умалить значения изящного произведения английского поэта. Мазепа Байрона — “спокойный и

мужественный, блестящий “*Prince del'Ukraine*” Вольтера, человек “малоговорящий, но много делающий”, мстительный по натуре, любящий женщин и любимый ими. Одно из своих многочисленных любовных приключений и рассказывает старый гетман своему королевскому союзнику, пользуясь для этого полным страсти и темперамента языком Байрона. Однако поэма дает нам нечто больше, чем рассказ о любовной интриге. Своей гениальной интуицией автор охватил и многое другое. Читая его поэму, вы слышите клекот степных орлов и вой степного ветра, жужжащего в ушах распятого на коне, приговоренного к смерти пажа, — жертвы дьявольской изобретательности обманутого мужа; вы видите: жизнь тогдашней Украины, полную неожиданностей, основанную на кулачном праве печальной памяти “*Rzeczypospolitej*”, полную однако своеобразного романтизма и поэзии; перед вами проносится, как в кинематографе, длинная судьба этого края, так странно переплетенная в поэме с судьбой своего гетмана, думавшего найти в степях Украины “трон”, который оказался блуждающим огнем в этот “*dread Pultova's day*”...

Нервный, если можно так выразиться, торопливый язык, которым написана поэма, заставляет с неослабевающим вниманием читать ее до конца, до того трагикомического последнего аккорда, когда шведский король засыпает, не выслушав даже всей истории Мазепы... Между прочим — ложка дегтя в бочке меда! — Мазепа у Байрона... п о л я к! Говоря о своей Терезе, он говорит о “н а ш е й польской крови” (“*our Polish blood*”). Винават в этой исторической неточности, разумеется, информатор автора, Вольтер, у которого Мазепа фигурирует в качестве “*un gentilhomme Polonais*”. Для западноевропейца, не знающего вавилонского столпотворения наций на востоке, “польский шляхтич” легко мог превратиться в поляка.

Произведение Байрона очень скоро нашло себе подражателя, хотя и не в его стране. Этим подражателем был не кто иной, как В и к т о р Г ю г о. Выросший в революционных традициях Первой империи (его отец был наполеоновским генералом), современник греческого восстания и 48 года, свободолюбивый противник “маленького Наполеона” — дал нам несколько иной, и, я бы сказал, более глубокий образ Мазепы, чем Байрон. “*Mazepa*” В.Гюго написан в 1828 г. и помещен в сборнике, носящем общее заглавие “*Les orientales*”. В то время “ориент” был в моде в Европе. В стремлении балканских национальностей освободиться от турецкого господства Гюго видел зарю того пробуждения народов средневропейского “ориента”, которое в наше время становится фактом. И вот, неутомимая фантазия искреннего друга греков и иных угнетенных наций обращается на восток, ища там объектов для своего вдохновения. По капризной терминологии автора, восток это не только Китай и Турция, это также и Испания и Украина. Вот почему поэму о Мазепе мы находим в этом сборнике наряду со

стихотворениями “Navarin”, “Le derviche”, “Grenade” и др., под общим названием “Les orientales”.

Начинает Гюго своего “Mazep'у” тем же, чем и Байрон: дикой скачкой коня с человеком на спине через “синий океан” степи. Случай приносит Мазепу, как и у Байрона, в страну казаков — Украину, где для него должна начаться новая, еще более фантастическая жизнь, чем та скачка на крупе степного скакуна.

*Et bien ce condamné qui hurle et qui se traîne,
Ce cadavre vivant, les tribus de l'Ukraine
Le faons prince un jour.*

(Пусть! когда-то украинский народ этого осужденного, влекомого на смерть выберет своим князем).

Придет час, и он наденет плащ старых гетманов, поднявшись высоко из пропасти, которая должна была служить ему могилой. И тогда “un jour” угнетенный народ свяжет свою судьбу со своим товарищем по доле, который, “засевая поля трупами, вознаградит обильною пищею ястребов” за добычу, ускользнувшую от них, когда он со своим конем мчался по бесконечной степи... “Un jour”...

Удивительная судьба Мазепы, вырвавшая его из объятий смерти, поманившая химерой и снова бросившая в добычу смерти, вдохновила Гюго создать (во второй части поэмы) из него символ человеческого духа, неясного инстинкта, того ницшевского “Wille zur Macht”, что живет в человеке и гонит его, против его воли — как тот конь! — к большой неизвестной цели, того фатума, который в момент кажущейся гибели возносит свою жертву на вершину счастья:

*En fin le terme arrive... il court, il vole, il tombe,
Et se relève roi!*

(Наконец предел достигнут... он бежит, он летит, он падает, и вот встает король!).

Гюго вложил более глубокий смысл в свою поэму, воспев героя как вечное стремление духа, к какой бы то ни было цели, все равно, лишь бы в п е р е д!

Недаром и motto своему “Mazepa” взял великий француз байроновское:

Away! Away! (Вперед, вперед!)

Совершенно иное отношение к занимающей нас исторической особе встречаем мы у другого француза, виконта М. д е - В о г ю э. “Trois drames de l'histoire de Russie”, появившаяся новым изданием два года тому назад в Париже, — ряд критических этюдов из русской истории. Один из них “Mazepa, la légende et l'histoire”, посвящен украинскому гетману. Самостоятельного в этом этюде мало. Он состоит в пересказе “легенды” и “истории” об украинском гетмане. Первой — по Пушкину, второй — по Костомарову, Соловьеву и другим. Взглядов этих историков и придерживается автор в своей оценке Мазепы. Вогуэз характеризует его

как человека образованного, с “блестящим *esprit*” и “пылким сердцем”, — черты, которые одни уже могли бы снискать себе симпатию каждого француза. Дарит Мазепу своей симпатией и автор, но только как человека, не как политика. Как политик, Мазепа, по Вогюэ, боролся за дело, заранее осужденное на неудачу как вследствие темноты народных масс, так и благодаря социальным антагонизмам внутри украинского общества. Даже если бы Мазепе удался его безумный план, — пишет виконт, — ничего кроме второй Польши из Украины бы не вышло. Второй Польши, которую ожидала бы, очевидно, та же участь, что и первую... Поэтому Цезарь перешагнул свой Рубикон, а Мазепа, перейдя Десну и передавшись шведскому королю, утонул в своем... Таков приговор Вогюэ о Мазепе-политике. Что же касается Мазепы-человека, то и этот суровый критик считает своим долгом отдать дань удивления загадочной личности. Он называет гетмана “великим деятелем великой эпохи, человеком навязчивых снов и пламенных страстей”.

Среди немецких поэтов, писавших о Мазепе, первое место безусловно принадлежит Рудольфу Готтшалью, известному в свое время драматургу. Его симпатии, его интерес к Мазепе обуславливались теми же причинами, что и у названных уже англичанина и француза. Родившись в 1823 г., Готтшаль стал вскоре одним из деятельных участников либерального движения в восточной Пруссии с сильными свободолюбивыми симпатиями. Многие из его драм (“Робеспьер”, “Марсельеза”) носят яркий революционный характер. Драма “Мазепа” (в пяти актах, 1865 г.) — одна из наиболее удачных этого автора, с успехом игранная на многих сценах Германии. Если оставить в стороне мелкие исторические неточности (Матрена — дочь Искры, Гордиенко не присоединяется к Мазепе), то нельзя не признать в драме Готтшалья и а с т о я щ е й трагедии с сильно развитым драматическим действием, держащим читателя в постоянном напряжении. Язык драмы — гладкий, местами сильный, с теми неожиданными и эффектными сравнениями, которые составляют характерную особенность таланта самого крупного из украинских поэтов в российской Украине — Леси Украинки. Содержание трагедии — мечта Мазепы, гетмана Украины, добиться короны и независимости. Мазепа представлен здесь не “гетманом-злодеем”, он скорее напоминает шиллеровского Валленштейна. В своих планах он повинуетя лишь воле неумолимого рока, влекущего его неудержимо (опять вспоминается легенда с конем) к его цели, к его гибели. Вообще во всей драме развито гораздо больше (чем в “Полтаве” Пушкина) понимание исторических событий как процесса, где нет ни правых, ни виноватых, ни “злодеев”, ни “ангелов”, а есть только люди, шахматные фигуры в руках невидимых игроков.

“In der Tiefe unserer Seele wohnt ein dunkles Mussen”

(В глубине нашей души живет темное “должен”), — говорит пророчица Горпына, и, повинувшись этому неясному “должен”, идет Мазепа Готтшала навстречу своим планам, где в туманной дали мерещется ему корона...

В этих своих планах старый гетман находит себе верную, безумно его любящую союзницу Матрену, дочь (по Готтшалу) полковника Искры. Что касается этой подруги Мазепы, автор предлагает довольно интересную психологическую догадку, объясняющую непонятную, на первый взгляд, страсть молодой девушки к седому старцу. Матрена Готтшала не обыкновенная “полковниковна”, она — рожденная для господства, с инстинктом властвования женщина, стремящаяся, вместе с Мазепой, к осуществлению его грандиозных, ослепляющих ее планов. Ради этих планов, обещающих корону ему и ей, она бросается на шею старому гетману, присягая “идти за его звездой”. Казнь Искры, отданного Петром во власть Мазепы за донос на него, уничтожает весь план. Матрена, руководимая чувством мести, переходит на сторону врагов Мазепы, заставляет Гордиенку (который любит ее) изменить своему гетману, вносит, благодаря этому, неуверенность в ряды сторонников Мазепы и в конце-концов приводит смело задуманный план к катастрофе.

Сильное впечатление, оставляемое вообще драмой, ослабляется, к сожалению, совершенно ненужным морализаторством автора. Мазепа гибнет не потому, что “так хотела судьба”, а в наказание за попранные законы морали, за пролитую кровь Искры, за то, что переступил через труп.

Поспешив вывести на сцену в угоду бюргерской публики историческую Немезиду, автор забыл, что история мстит за ошибки, за слабость, за глупость, за нарушение законов, но не законов человеческих и абстрактной справедливости. Наделять историческую Немезиду человеческими симпатиями и антипатиями, наказывая “порок” и поощряя “добродетель”, значит вносить диссонанс в довольно удачную историческую концепцию самого же автора. Поэтому, драма ничего бы не проиграла, если бы автор не придумал для нее дешевой морали, которой снабжено каждое “*rohrendes Drama*” берлинских и венских театров.

В одном можно бы было уже упрекнуть Готтшала. Еще Аристотель в своей “*Poetika*” установил правило, что “развитие и развязка фабулы должны происходить сами собою” без вмешательства *Deus ex machina*. Против этой заповеди, кажется, и грешит наш автор.

Несмотря на некоторые указания и намеки, поражение Мазепы приходит как-то совершенно неожиданно. Впрочем, может быть, это и более соответствует исторической правде...

Трагедия полна истинно драматических сцен. Особенно интересна сцена, где Мазепа впадает в острый спор с царем. Она выясняет цели обоих будущих противников и причины, благодаря которым разошлись их дороги. Вот несколько отрывков из этой сцены.

Петр.

Дух возмущения
Живет в степях.....

.....
Меж тем закон один железный
Царить лишь должен в них!
.....Слушай меня, Мазепа!

Россия жертвует и деньгами и кровью,
Великих жертв я требую от ней:
Нужны мне подати и новые солдаты,
И ваши казаки должны их также дать...
... О том лишь постарайся,
Чтоб подати не показались люду
Уж чересчур тяжелыми...

Мазепа.

Боюсь, великий царь!
Твой слуга, на службе поседевший,
Предостеречь хотел бы...

Но Петр не дает гетману высказать своего взгляда на осуществимость его программы и, впадая в ярость, после выпитого меду, кричит:

Как этот мед,
Так вашу я до дна свободу выпью
И чарку вдребезги!

После этой сцены Мазепа принимает Казимира Солданского, эмиссара Карла, и переходит на его сторону. Дальше мы присутствуем на “раде” (совете) гетмана с полковниками, на которой мысль Мазепы принимается с воодушевлением. Однако дальнейшие свои планы Мазепе приходится исполнять без Матрены, покидающей его за казнь отца. Разбитый под Полтавой, Мазепа умирает, отравленный Матреной в гроте пророчицы Горпыны, бывшей любовницы своей первой молодости. Мазепа умирает, печальный потому, что не видит никого возле себя, кто бы мог:

“den Traum.

Des Lebens mir von meiner Stirne küssen”.

Перед смертью, гетман бредит:

О призрак, призрак!
Ты погубил меня, но все же
Я для тебя лишь жил, страдал — и
Хоть и из могилы, хоть тень твою
Искать я выйду снова.

Произведения остальных немцев, посвященные Мазепе, гораздо ниже по замыслу и исполнению. Следует отметить среди них М а я. Содержание его драмы “Der König der Steppe” то же, что и у Готтшала: борьба гетмана за независимость края.

“Копье казака для защиты царского трона, и меч царский для обороны нашей свободы. Вот все, что мы должны один другому!”, — так поясняет гетман свою программу, которую в виду новых намерений Петра, он радикально изменяет. Теперь этой программой становится “*ein Kynigreich der Steppe*” и корона для Мазепы.

“Королевство степей” оказалось чудным миражем, и Мазепа гибнет, потеряв и свое счастье, и свою любовь, — Наталью, отдающуюся своему жениху Голицыну.

Двухтомный роман М ю т ц е л ь б у р г а “Mazepa” совершенно в ином жанре. Это — история авантюра молодого шляхтича, рыцаря без страха и упрека в духе средневековых рыцарей, бьющихся за “правду и справедливость”. Общий характер эпохи, отношение шляхты к хлопам и к равным себе описаны довольно удачно. В п о л ь с к о й литературе многие авторы занимались личностью Мазепы. Между прочим: F.G a w r o Ń s k i, — “Pan hetman Mazepa”, B o h d a n Z a l e s k i — “Dumka Mazepy”, W.B o g d a n k o — “Jan Mazepa” (драма).

Наиболее выдающейся является, конечно, драма Ю л и у ш а С л о в а ц к о г о — “Mazepa”. Мазепа Словацкого — это тот же паж, которого мы видели у Байрона, хитрый, отважный и благородный “казачий сын”, который жертвовал жизнью для чести женщины, которой он даже не любит, и ради чести короля, которого он презирает. Однако и у Словацкого личность Мазепы не лишена известных черт демонизма: почти все особы, с которыми он приходит в соприкосновение, гибнут, приведенные к смерти пустым капризом легкомысленного пажа...

Драма Словацкого очень сценична. Писалось о Мазепе и на других языках. Между прочим, по-чешски известная мне лишь по имени Иосифа Фрича “Ivan Mazepa”.

Воспел Мазепу и шведский писатель I.P.W a l l i n в своем “Carl der Toiffe” (1883 г.).

Англичане, французы, немцы, поляки, чехи, шведы, не говоря уже об украинцах и русских, среди которых находятся имена известные всей читающей Европе, посвящали свой талант Ивану Мазепе ¹⁾.

Все они писали о Мазепе и об Украине. И кто знает, не были ли мы (еще недавно), тому небольшому знакомству с нашим краем, которое обнаруживала Европа, обязаны именно Мазепе? Еще 50 лет назад, — читаем

¹⁾ Известно также, что личность Мазепы привлекала к себе внимание не только историков и вдохновляла не только поэтов: гениальный Ф.Лист посвятил ему одну из лучших своих симфоний “Мазепа”.

у Воюоз, не было во Франции ни одного школьника, который бы не знал Мазепы, олицетворяющего для него весь громадный край — Украину, весь исторический народ, казацкий народ. Каждый раз, как автор заговаривал с кем-нибудь об Украине, ему непременно отвечали: “*Ah! oui, Ukraine, le pays de Mazepa!*”.

В настоящее время в русском обществе Мазепа опять в моде к сожалению, не у поэтов... Не будем этому удивляться. Не лишь у французов эти два имени, Мазепа и Украина, так прочно ассоциированы, что нельзя, называя одно, не вспомнить другого. И, интересно, вся, указанная мною, литература о Мазепе дает нам образ не только самого гетмана, но и его края. И еще интереснее, как все эти немцы, французы, англичане и др. представляли себе эту Украину!

Гетман Украины, в этих произведениях, не какой-нибудь простоватый властитель во вкусе, например, Никиты Черногорского. Как я уже сказал, скорее напрашивается его сравнение с Валленштейном Шиллера. Цель, к которой он стремится, это — “корона”, “трон”. Замечательно, что эти слова повторяются у каждого (за одним исключением) из рассмотренных авторов.

И край, с которым связаны его мечты, это — скорее какое-нибудь западноевропейское герцогство, чем далекое, в мечтах лишь, “королевство степей”. В описании, напр., батуринского замка, резиденции Мазепы (у Готтшала), в отношениях между ним и полковниками, в идеях, их воодушевляющих, вы совсем не видите тех черт дикости и некультурности, которыми теперь так охотно наделяют наших предков многие ученые и неученые историки. Легенда о “дичи гайдамацкой” и некультурности “бывшей Украины” явились позже. Она возникла в то время, когда из батуринского замка сделаны были каменоломни, когда богатые культурные сокровища, собранные во дворцах гетманов, начали раскрадывать кто лишь хотел и мог, когда Украина, как тот паж, связанная и скрученная, казалось, летела навстречу неминуемой исторической смерти...

В то же время, о котором говорят названные мною авторы, было иначе. Но какое же значение, — спросит читатель, — могут иметь для нас все фантастические представления поэтов об Украине и Мазепе? Ведь это все “позиция”, а не историческая правда! Рискуя быть парадоксальным, позволю себе утверждать, что, быть может, в этой “поэзии” более исторической правды, чем во многих томах научных исследований. Ведь понятие о каком-нибудь событии, о какой-нибудь исторической личности у массы складывается не по книжкам. Оно, это понятие, передаваемое лишь из уст в уста, от предков к потомкам, мнение с о в р е м е н н и к о в, известной личности, о ч е в и д ц е в известного события. Поэтому в свою оценку минувшего, масса привносит и н с т и н к т с о в р е м е н н и к а, которому видно то, чего не видно историку, для которого настоящий смысл развивающихся событий иногда ярче, не затемненный бессознательной

проекцией настоящего в прошлое. Поэтому-то историки с таким вниманием изучают эти свидетельства современников: архивы, мемуары и пр. Поэтому-то и “поэзия” Байрона, Гюго, Готтшала и др., находившихся в своем творчестве под гипнозом взглядов современников великой эпохи на нее самое и на ее главных актеров, так важны и интересны для нас. Не нужно ведь забывать, что для Байрона, писавшего свою поэму в 1818 г., и для Гюго, написавшего свою в 1828, эпоха Мазепы — н е д а в н е е прошлое! А кто знает, с каким упорством держится народная психика раз усвоенных исторических представлений (например, представления на Западе о России, как о стране “водки, казаков и нигилистов”), тот согласится со мною, что идеи о Мазепе (и Украине), встречаемые в западноевропейской литературе, возможно очень близки к исторической правде.

“История, говорит Воюоз, — не дала ему короны, как он этого желал. Но поэзия одарила его, без его ведома, королевством, более завидным, чем те, которыми располагает политика. Заслужила ли его эта загадочная личность? — спрашивает он. — Не требуйте ответа истории. Его противники его ненавидели, но зато женщины его любили, церковь прокляла его, но поэты его воспели! А пока мир будет таким, каким он есть теперь, — заканчивает Воюоз, — последнее слово в нем всегда будет принадлежать женщинам и поэтам”...

Дм. Донцов.

Украинская жизнь. — Москва. — 1913. — № 9-10, с. 58-69.

Публікація А.Р.ВОЛКОВА та В.Г.ЛЕСИНА